

Глупые люди.

Жили-были старикъ и старуха; у нихъ былъ сынъ Иванушка. Вотъ пришло время, когда надо отдавать Иванушку въ солдаты, а идти ему въ солдатчину—смерть не охота. Онъ постоянно прятался то въ въ хлѣвъ то на гумно, то на полати, то—куда попало, чтобы только его не схватили и не отправили на военную службу. Стала однажды старуха топить печку и уронила съ шестка ощепокъ, а ощепокъ былъ большой. Глядѣла, глядѣла старуха—да какъ зареветь. Услышалъ старикъ, что реветъ его старуха, пришелъ въ избу и спрашиваетъ:—о чемъ ты, старуха, плачешь?—Охъ, старикъ, не знаешь ты моего горя. Какъ мнѣ не реветъ. Пособи ты моему горю. Слушай,

что я тебѣ скажу. Стала я топить печку, уронила ощепокъ на шестокъ, а съ шестка на полъ. Тутъ мнѣ пало въ голову: какъ бы нашъ Иванушка да былъ женатой, да кабы у него былъ ребеночекъ и сидѣлъ бы онъ тутъ на залавочкѣ; ощепокъ палъ бы на него; такъ бы тутъ его и прихлопнуло. Чтобы я тогда стала дѣлать-то?—А вѣдь ты, старуха, права. Давай-ка я пособлю тебѣ реветъ,—Оба и забазанили. Услыхалъ ихъ ревъ Иванушка и думаетъ: „вотъ бѣда, видно за мной пришли, пойду, отворю немножко дверь, погляжу; вѣдь, не вдругъ же схватятъ“. Подошелъ къ дверямъ, маленько пріотворилъ, видитъ: никого нѣтъ, кромѣ старика и старухи. Зашелъ въ избу и

Подошелъ къ дверямъ, маленько пріотворилъ.

Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

распросилъ, о чемъ они ревутъ. Они рассказали ему. Посмотрѣлъ на нихъ Иванушка, плюнулъ на земь и сказалъ: „тъфу, вы, шальные, испужали меня до смерти; пойду я, куда глаза глядятъ; если найду дичье, да дурнѣ васъ, ворочусь тогда къ вамъ, а не найду—не видать вамъ меня болѣе.“ Ушелъ. Только его и видѣли старикъ со старухой.

Долго ли, коротко ли шелъ Иванъ, да дошелъ до избы. Заходитъ въ избу, а въ ней тоже живетъ старикъ со старухой; они ѣдятъ кисель и молокомъ захлебываютъ. Хлебнуть ложку киселя и бѣжать въ клить молокомъ захлебнуть. Глядитъ, глядитъ на нихъ Иванъ и говоритъ:—не дѣло вы дѣлаете. Дайте мнѣ сто рублей, и я научу васъ, какъ надо ѣсть.—Возьми, батюшка, съ радостью дадимъ, только научи, а то мы

каждый разъ ѣдимъ до пристатку, зачистую и наѣстися не можемъ.—Пошелъ Иванъ на клить, принесъ горшокъ съ молокомъ, поставилъ кисель и молоко на столъ, посадилъ за столъ старика и старуху, самъ тутъ же сѣлъ и давай кисель уписывать. Всѣ такъ наѣлись, что бока прочь. Отдали старики Ивану сто рублей деньгами, да еще спасибо ему сказали. Пошелъ онъ дальше.

Дошелъ Иванъ опять до избы. Заходитъ въ нее, а въ избѣ такой дымъ что глядѣть нельзя; хозяева бѣгаютъ по избѣ съ рѣшетами въ рукахъ и дымъ изъ избы выносятъ. Глядитъ, глядитъ Иванъ и говоритъ: „кабы вы дали мнѣ сто рублей, такъ этакъ бы не бѣгали; я бы вамъ все устроилъ.“ Начали хозяева просить Иванушку сдѣлать имъ по своему;

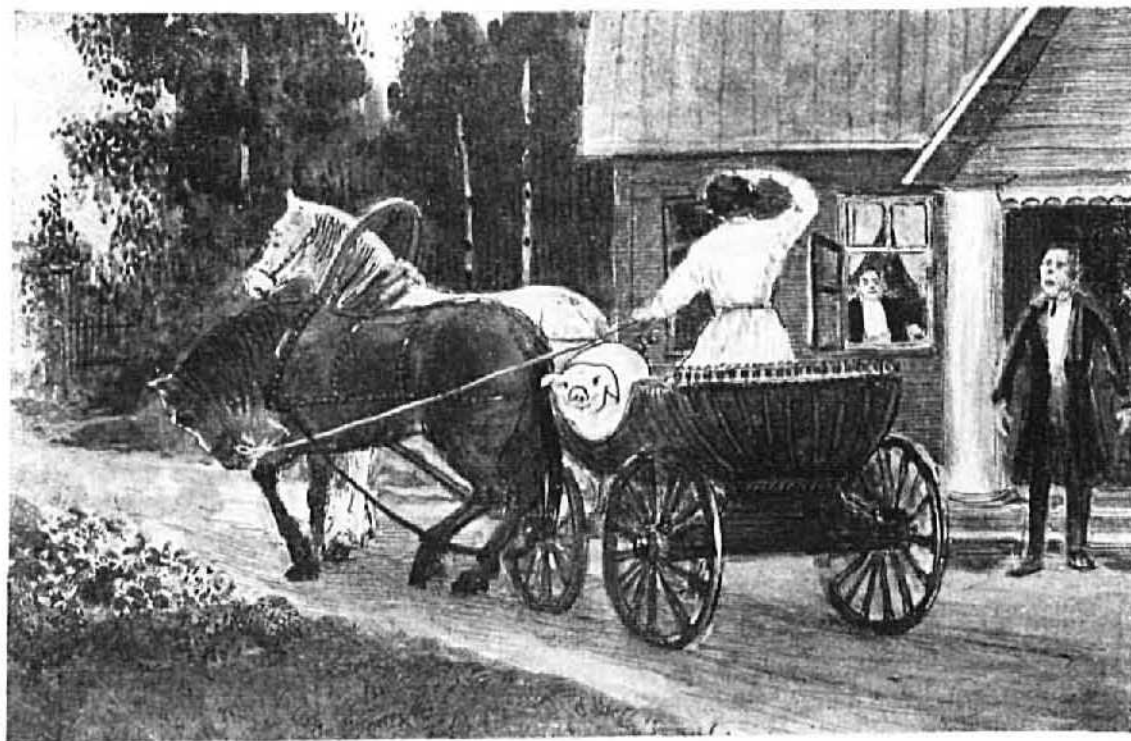
Хозяева бѣгаютъ по избѣ съ рѣшетами.

Рисунокъ художника Л. Альбрехтъ.

дали ему сто рублей, только бы напередъ не бѣгать; напоили и накормили его и всѣмъ надѣлились... Иванъ взялъ топоръ и прорубилъ у самаго потолка дырку; дыму сразу не стало, и всѣ остались довольны его выдумкой.

Идетъ Иванъ съ денежками дальше, дошелъ до богатаго дома; въ домѣ томъ жилъ важный баринъ, а около барскаго дома гуляла свинья. Вотъ схватилъ Иванъ свинью за шею и началъ ее душить. Свинья завизжала. Услыхалъ баринъ свинной визгъ и закричалъ своимъ слугамъ: „бѣгите скорѣе, узнайте о чемъ моя свинья пищитъ.“ Увидалъ Иванъ слугъ и сталъ около свиньи похаживать и кланяться ей, приговаривая: „свиньюшка пестра, моему сыну крестна, пожалуй ко мнѣ въ гости.“ Слуги спросили Ивана, что онъ свиньѣ наговариваетъ. Иванъ въ отвѣтъ имъ: „да вотъ зову ее

въ гости, къ крестнику на свадьбу—въ свахи, да не идетъ, говоритъ—не въ чемъ.“ Слуги рассказали объ этомъ барину, а тотъ велѣлъ дать свиньѣ хорошее шелковое платье. Снарядили свинью въ это платье, но оказалось ей тѣсно. Свинья опять заверещала: ви-и-и-и, ви-и-и-и!—Чего ей еще надо кричитъ баринъ.—Да вотъ, говоритъ Иванъ, идти не можетъ, больно толста, лошадей просить.—Дай ей пару самыхъ лучшихъ лошадей, распорядился баринъ.—Вывели что ни на есть пригожихъ лошадей. Иванъ все не уходитъ отсюда. Все вокругъ дома ходитъ, свиньѣ кланяется и ее подтыкиваетъ, а той это не любо, она визжитъ: ви-и-и-и, ви-и-и-и! Наскучило барину слушать этотъ шумъ, и онъ опять закричалъ:—чего ей еще надо?—Да вотъ, говоритъ Иванъ, просить она барскаго благословенія на дорогу и де-

Иванъ сѣлъ на лошадей и поѣхалъ къ отцу къ матери.

Рисунокъ Л. Альбрехтъ.

негъ сколько нибудь.—Дать ей двѣсти рублей и пускай убирается. Иванъ радъ-радехонекъ: собралъ все, что дали свиньѣ, сѣлъ на лошадей и рѣшилъ: „идти мнѣ-ка теперь къ отцу, къ матери. Есть на

свѣтъ люди еще глупѣе, еще дурнѣе ихъ.“ Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ—онъ воротился домой. И живутъ теперь всѣ они вмѣстѣ, да поживаютъ и добра наживаютъ.

Бочка съ золотомъ.

Между жителями Мегры есть преданіе о бочкѣ съ золотомъ, которую чертъ отнялъ у нѣкотораго богача, опустилъ ее на дно рѣки и прикрѣпилъ тамъ желѣзными цѣпями.

Въ осеннюю ночь кто то постучалъ подъ окномъ богача. Онъ отворилъ ставень и спросилъ, кто его беспокоить въ такую пору. Отвѣта не было. Богачъ уснулъ, но опять слышался стукъ. Мужикъ снова окликнулъ и снова было молчаніе. Вѣроятно, подумалъ онъ, меня хотятъ ограбить, а потому снялъ съ палки ружье, зарядилъ его пулею, намѣреваясь при малѣйшемъ шорохѣ, выстрѣлить въ вора. Только что успѣлъ онъ приготовиться, какъ опять слышался стукъ. Нѣтъ ужъ теперь кончено, подумалъ богачъ и выстрѣлилъ наудачу. Пуля со свистомъ прокатилась по улицѣ и въ тоже время подъ окномъ раздался ужасный хохотъ, отъ котораго у богача захолонуло сердце и самъ онъ затрясся какъ осиновый листъ. Торопливо онъ сталъ запираеть окно, какъ глядь за окно держится мохнатая рука и не позволяеть задвинуть ставень. Богачъ схватилъ ножъ, чтобъ отрѣзать мохнатую руку, а изъ подъ окна выставилось чудовище съ не-

подвижными оловянными глазами, съ чернымъ лицомъ. Чудовище приказываетъ богачу оставить бесполезное намѣреніе, а выйти на улицу и слѣдовать за нимъ. Дѣлать нечего; надо повиноваться приказанію строгаго ночнаго посѣтителя. Чудовище схватило его за лѣвую руку и потащило за собой вверхъ по теченію рѣки. Долго они шли, наконецъ страшилище остановилось и сказало своему дрожащему товарищу: послушай товарищъ: у тебя есть бочка съ золотомъ. Я знаю, что ты ни за что не разстанешься съ ней. Чѣмъ пропадать сокровищу, по смерти отдай его мнѣ; вѣдь я тоже помогаль тебѣ наживать его. Но смотри, если откажешься, то я сейчасъ же брошу тебя въ воду и будешь ты цѣлый вѣкъ жариться на сковородкѣ. Богачъ какъ не любилъ бочку, отдалъ, не желая умирать, согласился на предложеніе страннаго незнакомца. Ну, когда ты согласенъ, то завтра въ полночь я приду къ тебѣ за бочкой, теперь прощай. Чудовище юркнуло въ воду. Мужикъ смекнулъ, что вель бесѣду съ чертомъ. На другой день стукъ, стукъ подъ окномъ. Мужикъ выглянулъ. Здорово пріятель! Я вѣренъ своему слову, вѣренъ ли ты? Вѣренъ чертышко,